
УДК 316.344
ББК 60.542.2
К 93

Л.У. Курбанова,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ГГНТУ им.ак.
М.Д.Миллионщикова, г. Грозный, тел.8-928-736-23-73. E-mail: medna59@mail.ru*

Процессуальные и структурные аспекты гендерной идентичности (Рецензирована)

Аннотация. В статье дается анализ ряда теоретических концепций по структуре дискурса гендерной идентичности, а также прослеживаются процессуальные параметры протекания самоидентификации личности во временной длительности в течении человеческой жизни. Автор приходит к выводу, что не только социализация приводит к определенным идентификационным характеристикам индивида, в этом процессе значительное место занимает индивидуализация бытия личности.

Ключевые слова: процессуальные и структурные аспекты, гендерная идентичность, социализация, дифференциация, маскулинность, фемининность.

L.U. Kurbanova,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department of
the Grozny State Petroleum University named after M.D. Millionshikov, Grozny,
ph: 89287362373. E-mail: medna59@mail.ru*

Procedural and structural aspects of gender identification

Abstract. This paper provides an analysis of a number of theoretical concepts concerning the discourse structure of gender identity. Also it touches upon the procedural parameters of personal self-identification in temporal duration during lifetime. The author arrives at a conclusion that not only socialization leads to certain identification features of a person but also the individualization of the objective reality of a person plays an important role in this process.

Keywords: procedural and structural aspects, gender identity, socialization, differentiation, masculinity, femininity.

Процессуальные и структурные аспекты гендерной идентичности личности в современных условиях осуществляются через взаимодействие патриархатных принципов, опирающихся на длительную социальную и культурную традицию, с одной стороны, и принципов эгалитаризма, являющихся продолжением женской борьбы за равноправие, с другой [1]. Такая ситуация, по мнению современных исследователей, создает «знаки глубокой нестабильности, уязвимости и «вооруженной растерянности» мужчин и женщин противостоящих друг другу[2], во многих социальных процессах.

Теоретически и эмпирически ясно, что отношения полов нельзя свести только к сексуальным отношениям, они составляют саму основу социальной матрицы, следовательно, от этих отношений во многом зависит будущее, ибо «противостояние полов определит грядущие годы»[3].

Именно поэтому исследования методологических аспектов гендерной самоидентификации и выявление ее структурных аспектов представляются актуальными и требующими теоретического осмысления.

Процессуальность гендерной идентификации и самоидентификация лично-

сти осуществляются во временной длительности и могут рассматриваться на протяжении всей жизни. При всей индивидуальности процесса самоидентификации человек проходит через возрастные этапы: детство, юность, зрелость и пожилой возраст. Каждый из этих этапов имеет свои особенности самоидентификации, несмотря на индивидуальные вариации, в своем сущностном содержании они объективны и закономерны.

Процессуальность гендерной идентификации многие исследователи рассматривают через социализацию индивида в обществе. Элеонор Э Маккоби, давая определение этой дефиниции, пишет, что «социализация традиционно рассматривалась как совокупность процессов, посредством которых каждое поколение взрослых передает подрастающему поколению детей запас знаний, верований и навыков, составляющий культуру той или иной социальной группы. Процессы социализации, происходящие в детстве, рассматривались в значительной степени как предварительные — как подготовка детей к тем ролям, которые они, став взрослыми, вынуждены будут играть. С этой точки зрения, когда социализация проходит успешно, необходимые элементы культуры инкорпорируются в личность индивида» [4]. Автор отмечает, что к гендерной дифференциации эти идеи применялись следующим образом: поскольку общества предписывают различные социальные роли для взрослых женщин и мужчин, то мальчикам и девочкам требуется разная подготовительная социализация. В традиционных обществах девочки обучаются навыкам домашнего труда и заботе о детях, тогда как мальчиков учат выполнять тяжелую сельскохозяйственную работу.

Например, уход за скотиной, расчистка плодородной почвы на полях, а также охота и ремесла. Кроме того, предполагается, что посредством различных прессинговых механизмов социализации дети обоих полов постепенно приобщаются к более тонким и неуловимым личностным характеристикам, согласующимся с их будущими ролями: для девочек это означает быть «как леди» (скромными, строгого

поведения), уступчивыми, услужливыми и заботливыми; для мальчиков же — быть независимыми, предприимчивыми, готовыми взять инициативу в свои руки и принять на себя риск.

Поскольку считается, что многие из соответствующих личностных характеристик усваиваются в раннем детстве, то главная роль в гендерной социализации отводится родителям. Однако свой вклад в этот процесс вносят и другие агенты социализации — учителя, религиозные лидеры, тренеры и культурные герои — так же, как и телевидение, литература и другие виды транслирования массовой культуры — по мере их доступности [5].

Аналогичным образом [с позиций традиционного подхода] агенты социализации осуществляют постепенную дифференциацию мальчиков и девочек. В рамках психологии бихевиористский настрой середины двадцатого столетия привел исследователей к фокусированию, прежде всего, на прямом обучении. Считалось, что взрослые устанавливают то, что дети должны выучить, а также обеспечивают режимы поощрения и наказания, исподволь внушающие детям желаемые [обществом] привычки и навыки. Предполагалось, что дети обоих полов выучиваются разным вещам, поскольку перед ними ставятся разные учебные задачи, а также потому, что их поощряют и наказывают по-разному. Мальчики становились «хулиганистами», потому что им разрешали или их поощряли поступать именно так, а не иначе. Девочки же становились «утонченными», потому что их наряжали в прелестные платьица, мамы уделяли больше времени их прическам, а родители хвалили за умение держать себя опрятно и хорошо выглядеть.

Одни теоретики рассматривали социализацию практически целиком как процесс сверху-вниз, посредством которого взрослые управляли и контролировали условия обучения детей (А. Адлер, Г. Зиммель, З.Фрейд, Э. Фромм и др.), тогда как другие выделяли активную роль детей в использовании информации, почерпнутой ими из взрослой культуры по мере того, как они начи-

нали осознавать (и стремились усвоить) необходимые им характеристики (С. Де Бовуар, П. Ломброзо, К. Милет, Б. Фридан).

Фрейд подчеркивал важность процесса *идентификации* ребенка с родителем одного с ним пола. Ребенок, идентифицирующий себя с родителем того же пола, должен был принять целый ряд ценностей и установок от него, включая и маркированные по половому признаку. Фрейд думал, что процесс идентификации обычно завершается к 4 — 5 годам, а задача его — разрешить Эдипов комплекс. Идентификация была переформулирована теоретиками социального обучения — на сей раз как процесс имитации или «моделирования». Хотя эти теоретики и признавали, что дети могут многому научиться за счет имитирования моделей [поведения] каждого из двух полов, их аргумент сводился к тому, что дети постепенно все больше и больше приближаются к имитации моделей только одного пола, совпадающего с их собственным (включая и [модель] родителя одного с ними пола), нежели к моделям другого пола, поскольку дети должны открыть для себя, что положительные отклики они получают только в этом случае. Общественное влияние через научение и подкрепление [со стороны общества за счет его (не) одобрения того или иного поведения] иногда называют *прямой* социализацией, тогда как обучение детей через их собственные наблюдения и имитацию порой относят к *косвенной* социализации или самосоциализации. Согласно теории социального обучения и прямое подкрепление, и имитация считались в равной степени важными в процессе трансляции гендерно-маркированных аспектов культуры новым поколениям детей [6].

Нам представляется, что гендерная идентичность формируется через все обозначенные виды социализации: вряд ли продуктивны концепции абсолютизации одного из обозначенных процессов. Поэтому мы разделяем теорию социального обучения, учитывающую все выделенные выше виды трансляции гендерных моделей. Э. Маккоби подчеркивает, что «при измерении “маскулинности” и “фе-

мининности” — как бы их ни определяли — результаты исследований для обоих полов никогда не являются в достаточной степени четкими. В рамках каждого пола дети очень отличаются друг от друга с точки зрения того, насколько точно они соответствуют стереотипам или социальным предписаниям для своего гендера. Одни мальчики более “маскулинны” [“мужественны”], чем другие, некоторые девочки более “фемининны” [“женственны”], чем другие. С позиций теории социального обучения этого и следовало ожидать, поскольку некоторые дети подвергаются более интенсивной гендерной социализации, чем другие [7]. Любопытны рассуждения автора по ограничению теории социализации: Э. Маккоби утверждает, что «теория **социализации** оказалась недостаточно адекватной для решения задачи по объяснению гендерной дифференциации. Теория социализации не является *неверной*, она слишком узка, чересчур ограничена. Сейчас нам известно, что существуют мощные, связанные с гендером феномены, которые не вписываются в традиционные рамки. Их нельзя осмыслить в категориях личностных особенностей, типизированных по половому признаку, или диспозиций, привитых каждому отдельному ребенку в процессе социализации. Скорее, они требуют от нас сдвинуть исследовательский фокус от индивида к диадам или большим социальным группам. Связанное с тем или иным полом поведение оборачивается всеохватывающей и всеобъемлющей функцией социального контекста, в котором оно происходит [8]. Таким образом, Э. Маккоби приходит к выводу, что 1) гендерное поведение контекстуально, ситуативно, что оно «подобно хамелеону», легко поддается модификациям и изменениям от культур и субкультур. «Оно релевантно» в широком смысле и универсально для разных культур; 2) многие кажущиеся бесспорными поведенческие отличия между мужчинами и женщинами на самом деле обусловлены групповой и контекстуальной принадлежностью.

Развитие в социальной и культурной сферах сопровождается процессом

изменения гендерной идентификации и самоидентификации. Процесс сопровождается сглаживанием неравенства между мужчинами и женщинами, по мнению современных французских исследователей по нескольким направлениям: 1) повышение уровня образования женщин; 2) расширение сферы профессиональной деятельности женщин; 3) распространение контрацепции; 3) возрастание автономии женщин в супружеских отношениях [9].

Подобное гендерное выравнивание получило неожиданные трансформации в сфере мужской идентичности, которая, как мы отмечали выше, меняется с изменением политического, социального и психологического положения женщин. В последней четверти XX в. исторический кризис привычного гендерного порядка стал вызывать растущую озабоченность и недовольство среди мужчин. Если в XIX в. в европейском общественном сознании появился так называемый женский вопрос, то теперь можно говорить о появлении особого «мужского вопроса», — отмечает известный отечественный сексопатолог И.Кон в своей работе «Меняющийся мужчина в меняющемся мире». Появление организованного и идеологически оформленного женского движения, — подчеркивает автор, воспринимается мужчинами одновременно как угроза, интеллектуальный вызов и пример для подражания, порождая потребность защищать свои собственные групповые интересы. Но каковы эти интересы и от кого их нужно защищать? Состоит ли проблема в том, что женщины присваивают традиционные мужские социальные привилегии? Или в том, что они становятся похожими на мужчин и начинают успешно конкурировать с ними? Или в том, что сами мужчины потеряли или боятся потерять какие-то ценные качества? Или что мужчинам стало тесно и неудобно в привычной исторической коже? А может, все эти обстоятельства, вместе взятые, порождают изменение смены идентичностей? Идентичность мужчины, считает И.Кон, его маскулинность варьируется в зависимости от ситуационных ограни-

чений и процессуально это может протекать по-разному. «Множественность и текучесть образов маскулинности проявляется не только в истории, но и в жизни каждого конкретного индивидуума, который в разных ситуациях и с разными партнерами «делает», «разыгрывает» и «представляет» разную маскулинность. Психологами давно уже замечено, что мальчики и мужчины чаще женщин представляют окружающим заведомо ложные, нереальные образы Я, попросту говоря — выпендриваются. Понятия «гендерного дисплея», «действия гендера» и «гендерного перформанса» позволяют лучше описать и теоретически осмыслить разные ипостаси мужского Я и возможные варианты и способы их интеграции и дезинтеграции. Это имеет, помимо культурологического, важное психотерапевтическое значение [10].

Разные парадигмы маскулинности не столько отрицают, сколько взаимно дополняют друг друга. Однако разрыв между теорией и эмпирическими данными в «мужских исследованиях» еще больше, чем в женских.

Рассматривая поведенческие практики женщин в условиях смены социальных структур в обществе, некоторые специалисты считают, что женщины более социально мобильны, чем мужчины [11]. Например, по мнению Н.В. Гончаровой, речь идет не только об усвоении изначально заданных и функционирующих в обществе гендерных стереотипов. Молодые женщины в период социальных трансформаций демонстрируют новые формы гендерного поведения. Это проявляется не столько в гендерной атрибутике, сколько в конструировании новых форм гендерного взаимодействия. Женщины активно осваивают новые профессии, считавшиеся традиционно мужскими, формируют новые типы гендерных контрактов (отношение к гражданским бракам, реализация семейных стратегий поведения и пр.).

Таким образом, мы можем констатировать, что трансформация традиционных мужских и женских идентичностей и канонов — общее неумолимое требование времени. Каноны маску-

линности и фемининности взаимосвязаны, представления жизни и образы меняются и обновляются, женские представления о мужчинах и представления мужчин о самих себе, и наоборот, часто не совпадают. При этом одни склонны преувеличивать, а другие — преуменьшать масштабы происходящих перемен.

Эта трансформация имеет объективные границы, обусловленные, с одной стороны, рамками полового диморфизма, а с другой — индивидуально-типологическими различиями. Поэтому, на наш взгляд, абсолютизация установок, что женщина меняется бы-

стрее, чем мужчина или мужчина более социально мобилен, чем женщина, некорректна.

Индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности/фемининности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию. А процесс изменения идентичности как мужчины, так и женщины — это взаимообусловленная смена мировоззренческих установок, дополняющих и обогащающих как друг друга, так и окружающий мир.

Примечания:

1. См. Ершова Н.М., Мясникова Л.А. Путь к себе: женщина между полом и гендером. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2007. С. 191.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 157.
3. Там же. С. 148.
4. Maccoby E. The Two Sexes: growin up apart, coming together. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998. P. 118-152. [Пер. с англ. А. Бородиной (Введение) и В. Успенской (Гл. 6) выполнен для семинаров Тверского Центра женской истории и гендерных исследований по проекту «Научно-методическое обеспечение интеграции гендерного подхода в преподавание социально-гуманитарных дисциплин» (грант Женской сетевой программы Института «Открытое общество»), Тверь, 2002. С. 123].
5. Там же. С. 127.
6. Там же. P. 118-152.
7. Там же. С. 9.
8. Там же. С. 131.
9. Бир А., Пфедферкорн Р. Мужчины / женщины: динамика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 1.
10. Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введения в гендерные исследования: учеб. пособие. Ч. 1. Харьков; СПб., 2001. С. 563.
11. Гончарова И.В. Игры для мальчиков (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // СОЦИС. 2003. №1.

References:

1. See Ershov N.M., Myasnikova L.A. A way to oneself: a woman between sex and gender. Yekaterinburg: Publishing house of the Humanit. University, 2007. P. 191.
2. Beck U. Risk society. Towards a New Modernity. M., 2000. P. 157.
3. Ibidem. P. 148.
4. Maccoby E. The Two Sexes: growing up apart, coming together. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998. P. 118-152. [It is transl. from English by A. Borodina (Introduction) and V. Uspenskaya (Ch. 6) for the seminars of the Tver Center of female history and gender researches on the project «Scientific and methodological ensuring of the gender approach integration in the teaching of social and humanitarian disciplines» (the grant of the Female network program of the Institute of «Open society»), Tver, 2002. P. 123].
5. Ibidem. P. 127.
6. Ibidem. P. 118-152.
7. Ibidem. P. 9.
8. Ibidem. P. 131.
9. Bihr A., Pfefferkorn R. Men / women: identities on the move // The journal of sciology and social anthropology. 1998. V. 1, Issue 1.
10. Kon I. Men's research: changing men in the changing world // Introduction in gender research: a manual. P.1. Kharkov; SPb., 2001. P. 563.
11. Goncharova I.V. Games for boys (gender aspects of realization of career aspiration) // SOTSIS. 2003. No.1.